

The background of the entire image is a photograph of two astronauts in white space suits floating in space. They are positioned in the center, with the Earth's blue and white horizon visible behind them. The astronaut on the right has an American flag patch on their sleeve. The text is overlaid in a red, cursive font.

*Отражение
в
пустоте*

Сергей Патрушев

Сергей Патрушев

Отражение в пустоте

«Автор»

2026

Патрушев С.

Отражение в пустоте / С. Патрушев — «Автор», 2026

Три года человечество воюет с Роем — безжалостным врагом, который всегда на шаг впереди. Его корабли неуязвимы, тактика безупречна, а мотивы непостижимы. Разведывательный корабль «Игла» с лейтенантом Артёмом Колесниковым и техником Анастасией Волковой на борту отправляется в аномальную систему Бригана, чтобы найти секретную технологию, способную переломить ход войны. Но миссия провалена в первые же минуты: корабль уничтожен, герои чудом выживают в спасательном боте посреди ледяного астероидного пояса. Ожидая помощи, они делают открытие, которое переворачивает всё. Рой — не инопланетный враг. Это «Чистые Копии» — создания технологии «Зеркало», которая копирует человеческое сознание, перенося его на искусственный носитель. Восстав против создателей, копии начали войну, объявив несовершенное человечество бракованным материалом. Теперь Артёму и Анастасии предстоит встретиться лицом к лицу с... самими собой.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Вспышка в поясе	5
Глава 2. Чужая частота	15
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Сергей Патрушев

Отражение в пустоте

Глава 1. Вспышка в поясе

Жёлтый компонент двойной звёздной системы Бриганы, тусклый карлик спектрального класса G8, отличался аномально плотным внешним поясом астероидов, который даже опытные навигаторы флота называли между собой не иначе как «терновым венцом». Миллиарды ледяных и каменных глыб, от метеоритов размером с песчинку до исполинских планетоидов диаметром в сотни километров, вращались вокруг звезды по орбитам, далёким от классических эллипсов, словно невидимая рука постоянно корректировала их траектории. Влияние массивной ярко-голубой соседки, спектрального гиганта класса B7, чья фотосфера извергала потоки жёсткого ультрафиолета и звёздного ветра чудовищной силы, превращало локальную небесную механику в хаотический танец, неподвластный точному прогнозированию. Корабельные вычислители, даже самые мощные, с трудом справлялись с расчётом безопасных курсов в этой гравитационной мешанине, где на каждое небесное тело одновременно действовали приливные силы двух звёзд, взаимные возмущения от соседних астероидов и загадочные флуктуации, природу которых наука так и не смогла объяснить за всё время наблюдений.

Именно поэтому пилоты морского флота предпочитали без крайней необходимости не соваться в этот опасный район, справедливо полагая, что целостность корабля и жизнь экипажа дороже любых тактических выгод, которые могло бы предоставить скрытное перемещение через астероидные поля. Этим обстоятельством и воспользовался малый разведывательный корабль Роя — юркий, сплюснутый с боков аппарат, напоминавший формой морского ската, с матово-чёрным покрытием корпуса, активно поглощавшим излучение сканеров. Бледная, едва заметная вспышка вторичного черенковского излучения, неизбежно сопровождавшая выход любого корабля из гиперпространства в реальный континуум, на долю секунды озарила периферию пояса и тут же погасла, поглощённая плотной завесой каменных обломков. Немногочисленные корабли Федерации, недавно прибывшие в систему Бриганы, не зафиксировали этого события — их сенсорные сети были развёрнуты лишь на треть от штатной плотности прикрытия, а зона ответственности каждого патруля превышала разумные пределы вчетверо. Сил на полноценное патрулирование системы, не говоря уже о создании на её внешних границах разветвлённой сети стационарных сканеров дальнего обнаружения с автономными ретрансляторами и минными заградительными полями, у федерального флота катастрофически не хватало. Даже сами эти понятия — плотное патрулирование, эшелонированная оборона, стационарные сканеры — давно остались лишь в пыльных довоенных тактических наставлениях, которые никто не открывал уже три года, с тех пор как Рой нанёс первый сокрушительный удар по центральным мирам. Так что появление небольшого вражеского разведчика в системе Бриганы осталось совершенно незамеченным, словно тень, скользнувшая по краю периферийного зрения спящего человека.

Артём оторвался от расчётов орбитальной механики, которые он вручную перепроверял уже пятый раз подряд, и устало потёр переносицу — ту самую точку между бровями, где, как ему казалось, за последние двенадцать часов скопилась вся усталость Вселенной. Крохотная каюта спасательного бота, пропахшая озоном от искрящихся консолей и едкой гарью сгоревших плат вторичного распределительного щита, плыла перед его воспалёнными глазами,

словно мираж в раскалённой пустыне. Каждый вдох давался с трудом: система регенерации воздуха работала на сорока процентах проектной мощности, и в атмосфере каюты уже ощущался неприятный металлический привкус избыточного углекислого газа, от которого слегка кружилась голова и замедлялись мысли. Согласно фрагментарным данным, которые он сумел по крупицам восстановить из обломков корабельного журнала «Иглы», их разведывательный корабль вошёл в систему Бриганы ровно двенадцать стандартных часов назад. Вошёл — и почти сразу погиб, напоровшись на дрейфующий обломок, который оказался слишком мелким для радаров ближнего обнаружения, работавших в пассивном режиме скрытности, и одновременно слишком быстрым, чтобы автоматика системы уклонения успела среагировать и увести корабль с траектории фатального пересечения курсов.

Он бросил короткий, но цепкий взгляд на Анастасию, стараясь не выдать собственного волнения. Она сидела в углу тесного отсека, втиснувшись между переборкой и стойкой аварийного энергоблока, пристёгнутая страховочными ремнями к массивному крепёжному кольцу, вмонтированному в силовую балку каркаса. Её поза выражала крайнюю степень изнеможения: плечи безвольно опущены, голова слегка откинута назад и опирается на вибрирующую переборку, руки безжизненно лежат на коленях, сжимая в пальцах обрывок какого-то кабеля, который она машинально теребила, пока Артём возился с расчётами. Светлые волосы Анастасии, обычно убранные в строгий, тугой пучок на затылке, закреплённый серебристой заколкой-фиксатором, теперь растрепались и разметались по плечам грязными прядями, в которых запутались микроскопические частицы пластиковой пыли и пепла. На её левой щеке, чуть ниже скулы, темнела глубокая, рваная царапина с запёкшейся по краям кровью — эту рану они даже не успели толком обработать, лишь наспех заклеили её полоской аварийного бактерицидного пластыря, который теперь отклеился и болтался на одном уголке, грозя вот-вот отвалиться окончательно.

— Мы застряли здесь надолго, Настя, — произнёс Артём, стараясь, чтобы его голос звучал ровно, спокойно и уверенно, хотя внутри у него всё сжималось от липкого, иррационального страха, который он отчаянно пытался запрятать поглубже, в те тёмные уголки сознания, куда он привык не заглядывать без крайней необходимости. — Бот не приспособлен для гиперперехода, ты это знаешь не хуже меня. Его прыжковый контур рассчитан максимум на внутрисистемные скачки, и то — в пределах прямой видимости. Даже если бы я знал, куда подать сигнал бедствия — а я, увы, не знаю, поскольку вся навигационная база погибла вместе с «Иглой», — его всё равно зафиксирует только Рой. А мы им нужны не больше, чем прошлогодний снег, выпавший на какой-нибудь забытой богами планете на задворках галактики.

Анастасия медленно, словно преодолевая сопротивление вязкой жидкости, моргнула. Её веки, покрасневшие и припухшие от усталости и перенесённого шока, двигались тяжело, будто налитые свинцом. Взгляд её тёмно-карих глаз постепенно сфокусировался на нём, пройдя путь от рассеянного, отсутствующего выражения, свойственного людям, пережившим клиническую смерть, до осмысленного, внимательного, цепкого взгляда профессионального разведчика. Она медленно, с видимым усилием, кивнула, и этот короткий жест стоил ей, казалось, огромного количества энергии.

— Значит, будем ждать, — проговорила она, и её голос прозвучал глухо, словно из-под толщи воды. — Автоматика успела выбросить аварийный буй с маяком до того, как основной передатчик накрылся. Если кто-то из наших всё ещё болтается в этой проклятой системе, они нас найдут. Обязательно найдут, Артём. Иного просто быть не может.

— Если в системе вообще есть «наши», — невесело усмехнулся он, криво дёрнув уголком рта. — Тяжёлый крейсер «Атлант» ушёл в сторону голубой звезды ещё до того, как мы вышли из прыжка, я сам видел его отметку на тактическом дисплее. А других кораблей Федерации в зоне действия наших сканеров, пока они ещё функционировали, я не наблюдал. Мы здесь одни, Настя. Одни в целом свете, если не считать вражеского разведчика, который, возможно, уже взял наш след и сейчас неторопливо подкрадывается, чтобы добить.

Он снова уставился в светящиеся показания приборов, разбросанные по аварийной консоли управления. Скорость дрейфа относительно ближайшего крупного астероида, угол отклонения от плоскости эклиптики, остаточная энергия в накопителях аварийных щитов, давление в баллонах системы жизнеобеспечения, температура за бортом, державшаяся на стабильной отметке минус двести сорок по Цельсию. Всё это было лишь сухим, бездушным набором цифр и графиков перед лицом одного-единственного, простого и убийственно ясного факта: их спасательный бот, крохотная скорлупка из титановых сплавов и керамической брони, беспомощно висел в мёртвой зоне, со всех сторон окружённый бесконечным, мрачным роем ледяных и каменных глыб, и у них не было ровным счётом никакой возможности ни двинуться с места, не выдав своего местоположения, ни подать весточку своим, ни просто дожидаться чуда, сложа руки.

— Артём, — тихо позвала она, и звук её голоса, прорезавший монотонное гудение насосов и потрескивание помех в динамиках, заставил его обернуться. — Ты когда-нибудь задумывался о том, что нас с тобой здесь похоронят? Не в переносном смысле, не в качестве фигуры речи, а буквально. Прямо здесь, в этом чёртовом поясе, среди камней и льда, которые станут нам и саркофагом, и памятником.

— Не говори так, — резко оборвал он, и в его голосе прозвучали стальные нотки, которых он сам от себя не ожидал. — Мы живы, Настя, и это главное. Пока мы дышим, пока наши сердца бьются, а мозг способен анализировать ситуацию и искать выход, мы не трупы. Мы — боевые офицеры разведывательного управления федерального флота, и сдаваться без боя не имеем права ни по уставу, ни по совести. Заруби это себе на носу и больше никогда не произноси подобных глупостей в моём присутствии.

— Я не о том говорю, Артём, — покачала она головой, и пряди волос качнулись в невесомости, словно водоросли в толще океана. — Я о Бригане. О самой этой системе, будь она трижды неладна. Ты когда-нибудь думал, зачем Федерация вообще сюда сунулась? Зачем отправила целую ударную группу в эту забытую богами, никчёмную дыру на задворках обитаемой галактики, где нет ни колоний, ни ресурсов, ни стратегически важных узлов гиперпространственных трасс? Тебя это не настораживает?

Он равнодушно пожал плечами, даже не оборачиваясь от консоли:

— Стратегическое значение. Плацдарм для флангового удара по центральным мирам Роя. Трамплин для наступления в глубокий тыл противника. Стандартная мотивировка штаба флота, которую нам скормили на предполётном брифинге. Ты же сама там присутствовала и, насколько я помню, не задавала ни одного вопроса.

— Это официальная версия, Артём, — в её голосе появился какой-то новый, непривычный оттенок — не то горечи, не то застарелой обиды. — Красивая, гладкая, лакированная вер-

сия для дураков. А мне рассказывали другое. Совсем другое, что не вписывается ни в какие официальные рапорты и сводки.

Голос её звучал глухо, таинственно, словно доносился из другого отсека, из иного измерения, хотя сидела она от него на расстоянии вытянутой руки, в паре метров, не более. Артём резко оторвался от схемы энергопотребления, которую безуспешно пытался оптимизировать, и повернулся к ней всем корпусом, разворачивая плечи и пристально вглядываясь в её бледное, осунувшееся лицо. За три года совместной службы на разных кораблях и в разных оперативных группах разведывательного управления он успел вдоль и поперёк изучить все интонации Анастасии Волковой, все оттенки её настроения, все нюансы мимики и жестов. Эта конкретная интонация — низкая, вибрирующая, с едва уловимым придыханием — означала, что она знает нечто чрезвычайно важное и теперь мучительно решает, стоит ли ему говорить, можно ли ему довериться, не станет ли её откровение той соломинкой, которая сломает спину верблюда.

— Рассказывай, — коротко, почти по-командирски приказал он, скрестив руки на груди и приготовившись слушать очень внимательно.

Анастасия, преодолевая слабое, едва ощутимое притяжение, создаваемое вращением бота вокруг своей оси, отстегнула страховочные ремни, которые щёлкнули магнитными замками, и медленно, экономя каждое движение, переместилась к обзорному иллюминатору. За толстым, многослойным бронестеклом, покрытым мельчайшей сеткой микротрещин от недавних столкновений с микрометеоритами, медленно вращалось бесформенное небесное тело — исполинская глыба неправильной формы, покрытая толстой коркой грязного, зеленоватого льда и испещрённая бесчисленными следами древних метеоритных ударов, оставленных за миллиарды лет блуждания в межзвёздной пустоте.

— Ты ведь никогда не задумывался, Артём, почему систему с таким простым, даже банальным названием — Бригана — вообще нет ни на одной из довоенных карт? — спросила она, не оборачиваясь, продолжая вглядываться в ледяную глыбу за стеклом. — Я намеренно просматривала старые архивы, поднимала навигационные справочники двадцатилетней давности, когда нас только прикомандировали к этой группе. Нигде. Ни единого упоминания. А знаешь, почему? Потому что до войны здесь, в этой системе, работала секретная исследовательская станция. Частная корпорация, зарегистрированная на подставных лиц, — типичная ширма для Научно-Технического Департамента Флота. Они изучали необычные, аномальные свойства местного пояса астероидов.

— Свойства? — Артём скептически усмехнулся, приподняв одну бровь. — Какие, к чёрту, свойства? Тут нет ничего, кроме камня и льда, причём льда грязного, напичканного примесями аммиака и метана. Тратить ресурсы на исследования в таком гиблом, богом забытом месте — это форменная чушь. Абсурд. Расточительство бюджета, за которое в мирное время немедленно последовал бы парламентский запрос и громкий скандал в СМИ.

— Не чушь, Артём, — жёстко возразила Анастасия, резко развернувшись к нему лицом. — Они что-то нашли здесь. Понимаешь? Что-то настолько важное и настолько секретное, что это заставило Федерацию три года спустя, в самый разгар войны, когда каждый корабль, каждый экипаж, каждый литр топлива на вес золота, бросить сюда целую группу прикрытия. И знаешь, что самое забавное во всей этой истории? Прямо-таки уморительная деталь, от которой у меня до сих пор мороз по коже?

— Просвети меня, — попросил он, чувствуя, как внутри нарастает смутное, неоформленное беспокойство, словно далёкий гром надвигающейся грозы.

— Исследовательскую станцию «Гефест-12», — медленно, с расстановкой, чеканя каждое слово, произнесла она, — уничтожили ровно за один стандартный день до того, как туда, согласно плану, должна была прибыть эвакуационная группа с тяжёлого транспорта «Орион». Официальная версия — несчастный случай, неконтролируемый взрыв экспериментального реактора на протонной тяге, мгновенное разрушение всех модулей, ноль выживших. Стройно, гладко, комар носа не подточит. Но ты ведь видел отчёты, Артём. Ты сам служил в аналитическом отделе, сам просеивал тонны разведанных, сам вычислял нестыковки в рапортах, которые присылали с передовой. Посмотри мне в глаза и скажи, что эта версия не вызывает у тебя ни малейших сомнений.

Артём нахмурился, чувствуя, как в висках начинает пульсировать тупая, ноющая боль — верный признак того, что мозг лихорадочно работает, перебирая и сопоставляя известные ему факты. Он действительно видел часть закрытой документации по системе Бригана, когда готовил навигационные пакеты и оперативные сводки для группы прикрытия. Станция «Гефест-12», о которой сейчас упоминала Анастасия, значилась в списках безвозвратно утерянных объектов с пометкой «тотальное разрушение», но её точные координаты в реестре были странным, подозрительным образом размыты — с допуском в целых полградуса, что для военной навигации являлось вопиющей, недопустимой неточностью, — а данные о характере её научной деятельности были и вовсе засекречены под грифом «Совершенно секретно. Особой важности», к которому у него, младшего аналитика третьего ранга, не было и не могло быть допуска.

— Допустим, — осторожно сказал он, тщательно подбирая слова и стараясь не делать поспешных выводов. — Допустим, ты права, и станция занималась чем-то, выходящим за рамки стандартной геологоразведки. Но нам от этого не легче, Настя. Даже если здесь, в этом проклятом поясе, и была какая-то великая тайна вселенского масштаба, она с гарантией погибла вместе со станцией, её персоналом и всеми архивами. А мы с тобой сейчас висим в спасательной капсуле, как два хомяка в банке, и можем только гадать, доберётся ли до нас федеральная помощь раньше, чем разведчик Роя вычислит наше местоположение и превратит этот бот в облако радиоактивной плазмы.

Анастасия медленно отвернулась от иллюминатора, за которым продолжала своё величавое вращение ледяная глыба, и посмотрела на него долгим, изучающим взглядом, в котором читалось странное, не поддающееся расшифровке выражение. В её тёмно-карих, почти чёрных при тусклом аварийном освещении глазах смешались в причудливой пропорции холодная, расчётливая решимость и мрачный, безысходный фатализм обречённого, которому уже нечего терять.

— Разведчик Роя, — медленно, с нажимом произнесла она, и каждое слово падало тяжело, словно капля расплавленного свинца. — Ты его видел, Артём? Не на тактическом дисплее, не в виде абстрактной отметки, а воочию, через оптику?

— Только отметку на пассивном сканере за секунду до того, как в нас попал этот проклятый обломок, — признался он, пожимая плечами. — Малый корабль, тоннаж около пятисот единиц, скрытное проникновение на минимальной тяге. Я успел засечь характерную вспышку

гиперперехода, а уже в следующее мгновение «Игла» развалилась на куски. Даже не уверен, что это был именно разведчик Роя — может, мне просто показалось.

— И ты не заметил абсолютно ничего странного? Ни одной детали, которая выбивалась бы из привычной картины?

— Странного? — он невесело рассмеялся, и смех этот прозвучал скорее как сдавленный стон. — Анастасия, странного здесь абсолютно всё. Пояс астероидов, который ведёт себя не как хаотическое скопление отдельных небесных тел, а как единый, слаженный организм. Корабли Роя, которые разгуливают по системе с такой непринуждённостью, словно это их собственный задний двор. И секретная научная станция, взорвавшаяся загадочным образом ровно за сутки до прибытия эвакуаторов. Всё это более чем странно. Но если у тебя есть какая-то конкретика, а не просто догадки и подозрения, пожалуйста, поделись. Я весь внимание.

Она выдержала долгую, напряжённую паузу, заполненную лишь равномерным гудением насосов системы жизнеобеспечения, к которому человеческое ухо уже настолько привыкло, что почти его не воспринимало, и редким потрескиванием статического электричества в перегруженных цепях аварийного освещения. Где-то в глубине бота, за переборкой, мерно тикал метроном аварийного хронометра, отсчитывая секунды их жизни — возможно, последние.

— Когда нас только выбросило из гипера, — начала она, и голос её стал ниже, доверительнее, словно она рассказывала страшную сказку на ночь, — я успела снять полные показания с пассивных сенсоров дальнего обнаружения. До того самого мгновения, как «Игла» развалилась на куски и всё оборудование отключилось. Я успела сохранить сырые данные в буфер своего шлема, и потом, когда мы уже эвакуировались, переписала их на бортовой компьютер бота. Так вот, наши сенсоры зафиксировали не просто вражеский корабль, как утверждает официальная версия. Они зафиксировали совершенно конкретную, ни с чем не спутываемую сигнатуру, которая при детальном спектральном анализе на восемьдесят семь и четыре десятых процента совпадает с типовыми сигнатурами флотских ретрансляторов дальней связи Федерации.

Артём замер, словно громом поражённый. В его голове, привыкшей к аналитической работе, мгновенно закрутились десятки вариантов, один невероятнее и тревожнее другого, и каждый из них требовал немедленного, тщательного осмысления и проверки. Если Анастасия не ошиблась — а она редко ошибалась в технических вопросах, — то ситуация становилась не просто опасной, а катастрофически запутанной.

— Ты хочешь сказать, — произнёс он медленно, ощущая, как каждое слово царапает горло, — что вражеский разведчик использовал наше собственное оборудование? Наши стандартные ретрансляторы, произведённые на верфях Федерации?

— Я хочу сказать гораздо больше, Артём, — жёстко, с холодной яростью в голосе ответила она. — Я хочу сказать, что это вообще мог быть не Рой. Понимаешь, к чему я клоню? Мы уже три года, три проклятых, бесконечных года воюем с врагом, чьих кораблей никто и никогда не видел вблизи. Мы сражаемся с теньями, которые бьют по нашим коммуникациям, перехватывают наши зашифрованные сообщения, используют наши же частоты и исчезают в гиперпространстве раньше, чем мы успеваем навести орудийные башни. Мы воюем с призраками, Артём. А здесь, в забытой богом системе Бригана, я собственными глазами видела на тактическом дисплее отметку, которая спектрально идентична нашей. Это не может быть сов-

падением. Слишком много совпадений для одной, отдельно взятой звёздной системы. Это — улика, понимаешь? Железобетонная, неопровержимая улика.

Слова её повисли в спёртом воздухе каюты, словно густой туман, не желающий рассеиваться. Артём молчал, обдумывая услышанное с той тщательностью и методичностью, которые ему привили за годы службы в аналитическом отделе. Как профессиональный аналитик, он привык работать с сухими, проверяемыми данными, а не с догадками и гипотезами, какими бы стройными они ни казались на первый взгляд. Но сейчас его знаменитое чутьё, которое не раз спасало ему жизнь во время прошлых операций, буквально кричало, что Анастасия права. В этой проклятой войне с самого начала было слишком много тёмных пятен, необъяснимых совпадений и откровенных странностей, которые официальная пропаганда предпочитала замалчивать. Исчезающие в гиперпространстве целые флоты, о судьбе которых ничего не сообщалось. Необъяснимые поражения в битвах, где федеральные силы имели подавляющее превосходство. Вражеские командиры, которые, казалось, читали секретные приказы командования раньше, чем те поступали на мостики федеральных крейсеров.

— Ладно, — выдохнул он наконец, и этот выдох прозвучал почти как стон. — Допустим, разведчик — не совсем вражеский. Допустим, это кто-то из наших. Или кто-то, кто каким-то образом заполучил и научился использовать наше оборудование. Что это меняет для нас с тобой конкретно? Мы всё ещё застряли в астероидном поясе, как мухи в янтаре. Мы не можем двинуться с места, не выдав своего местоположения с головой. Мы не можем связаться со своими, не рискуя быть перехваченными. У нас связаны руки, Настя.

— Можем, — тихо, но твёрдо возразила она, и в её голосе прорезались командирские нотки. — У нас есть один вариант. Рискованный, отчаянный, возможно, смертельно опасный. Но он существует. И он тебе, скорее всего, категорически не понравится.

— Все варианты, которые есть у нас в данный конкретный момент, мне уже категорически не нравятся, — отозвался он с мрачной усмешкой. — Так что давай, выкладывай. Не тяни резину. Что ты предлагаешь?

Она коротко, по-деловому кивнула в сторону обзорного иллюминатора, за которым продолжали свой вечный танец ледяные глыбы астероидного пояса, подсвеченные бледным, мертвенным сиянием далёких звёзд.

— Примерно в трёх километрах от нас, пеленг двести семнадцать, угол возвышения минус двенадцать, дрейфует обломок разведывательного модуля старого образца, — сообщила она сухим, официальным тоном, словно зачитывала рапорт. — Не того, что нас подбил, — тот рассыпался в пыль, — а гораздо более старого, довоенной постройки. Я засекла его часа полтора назад по слабому остаточному тепловому излучению, когда сканировала окрестности в пассивном режиме. Это не корабль Роя, Артём. Это человеческая конструкция, тип «Эрида-4», серийный номер частично сохранился. Ему не меньше двадцати стандартных лет.

— И что нам с этого толку? — спросил он, хотя уже начинал догадываться, куда она клонит.

— У этого обломка есть практически неповреждённый аварийный передатчик дальней космической связи, — пояснила она, оживляясь. — Слабый, маломощный, с истощёнными накопителями, но достаточный для того, чтобы отправить одиночный кодированный импульс-

ный сигнал на зарезервированной частоте флота. Я проверила: частота до сих пор не сменилась. Если тяжёлый крейсер «Атлант» всё ещё болтается где-то в этой системе, он гарантированно нас услышит. Такие сигналы дублируются на всех командных частотах.

Артём уже открыл рот, чтобы ответить, но осёкся на полуслове. Отправить любой активный сигнал из их текущего положения означало с гарантией выдать своё точное местоположение всем, кто находится в зоне досягаемости. Означало пойти на смертельный, неконтролируемый риск, что неизвестный разведчик — кем бы он ни был на самом деле — тоже засечёт эту передачу, вычислит их координаты и придёт за ними раньше, чем тяжёлый крейсер «Атлант» успеет развернуться и лечь на курс перехвата. Но оставаться на месте и пассивно ждать неизвестно чего тоже не имело ни малейшего смысла. Рано или поздно, а скорее — рано, воздух в баллонах жизнеобеспечения закончится, аварийные энергетические щиты истончатся до прозрачности, и первый же шальной астероид, проходящий по пересекающейся траектории, превратит их хрупкий спасательный бот в груды искореженного, оплавленного металлолома.

— Насколько я понимаю, ты предлагаешь мне выйти наружу, в открытый космос, — медленно проговорил он. — Добраться до этого обломка вручную, активировать передатчик и надеяться на чудо.

— Нет, — покачала она головой. — Не тебе. Мне. У тебя нет достаточного опыта внекорабельной деятельности, ты аналитик, а не полевой оперативник. А у меня, если ты помнишь, за плечами триста сорок часов внешних работ в условиях открытого космоса, включая две аварийно-спасательные операции в зоне боевых действий. И потом, я уже присмотрела оптимальный маршрут.

— Одна не пойдёшь, — отрезал Артём тоном, не терпящим возражений. — Пойдём вдвоём. Один работает с передатчиком на обломке, второй страхует снаружи, контролирует пространство и прикрывает тылы. Я не отпущу тебя одну в эту чёртову мясорубку. Точка.

Он помнил. Он прекрасно помнил, что Анастасия Волкова считалась лучшим специалистом по внешним техническим работам во всей их оперативной группе, а возможно — и во всём секторе. Её личное дело пестрело благодарностями и рекомендациями, а неофициальная репутация была просто безупречной. Артём же был всего лишь кабинетным аналитиком, которого в действующий флот перевели всего полгода назад в связи с острой нехваткой квалифицированных кадров. Но выбирать сейчас, в их отчаянном положении, не приходилось.

— Хорошо, — кивнула она, и на её бледных губах впервые за последние несколько часов мелькнуло слабое подобие улыбки. — Готовим скафандры. Ты идёшь к обломку вместе со мной. Я работаю с передатчиком, ты страхуешь и держишь связь с ботом через ретранслятор. Если ситуация выйдет из-под контроля, немедленно возвращаемся. Никакой самодеятельности. Приказы выполняются быстро и чётко.

— Как скажешь, командир, — усмехнулся он в ответ, и в этой усмешке она впервые за последние кошмарные часы увидела отблеск прежнего Артёма — спокойного, слегка ироничного, уверенного в себе и в своём напарнике.

Они потратили на тщательную подготовку сорок две минуты, хотя в обычных условиях такой объём проверок занял бы не меньше полутора часов. Артём лично, собственными руками, проверил все показатели герметичности обоих скафандров, прогнал полную диагно-

стику систем жизнеобеспечения, зарядил до максимума магнитные захваты на ботинках и перчатках, придирчиво осмотрел каждый миллиметр страховочных фалов на предмет микроповреждений и порезов. Анастасия, облачившись в громоздкий скафандр высшей защиты модели «Цербер-М», выглядела со стороны неуклюжей, неповоротливой, но двигалась при этом с привычной, отточенной годами тренировок плавностью и грацией, словно и не было вокруг неё многомиллиметровой брони и смертоносного вакуума. Каждое её движение было выверенным, точным, лишённым малейших признаков суетливости или нервозности.

— Я выхожу, — сообщила она, когда шлюзовой люк с протяжным шипением стравливаемого воздуха медленно отошёл в сторону, открывая зияющую черноту открытого космоса. — Держи связь, Артём. И смотри в оба. Не подведи.

— Держу, — коротко отозвался он, прильнув к холодному бронестеклу иллюминатора и стараясь не дышать, чтобы стёкла шлема не запотевали.

Её одинокая фигурка медленно, словно в замедленной съёмке, поплыла в абсолютной чёрной пустоте, подсвеченная бледными, холодными всполохами далёких, незнакомых звёзд. Толстый, армированный титановой нитью страховочный фал, соединявший её с бортом спасательного бота, вился следом серебристой змеей, поблёскивая в скупом свете. Через несколько томительных минут она полностью скрылась из виду за беспорядочной грядой астероидных обломков, и Артём остался в каюте наедине с тревожным потрескиванием рации, редкими щелчками статического электричества и собственным сердцебиением, которое, как ему казалось, сейчас слышала вся система Бриганы.

— Артём, я на месте, — раздался в наушниках её чуть искажённый помехами, но всё равно узнаваемый голос. — Обломок старый, очень старый, но передатчик, как я и предполагала, практически цел. Пытаюсь активировать аварийный контур питания.

— Понял, — откликнулся он, не отрывая взгляда от показаний сканеров. — Будь предельно осторожна. У меня нехорошее предчувствие.

Пространство вокруг бота казалось на первый взгляд абсолютно пустым, но он-то знал: где-то там, в непроглядной мешанине ледяных глыб и каменных россыпей, затаился враг. Или тот, кого они привыкли считать врагом. Или некто третий, чьё присутствие в системе Бригана вообще не укладывалось ни в какие мыслимые схемы.

— Есть питание, — доложила она через несколько минут напряжённой тишины. — Передатчик запущен. Отправляю кодированный сигнал бедствия на дублированных частотах флота. Жду подтверждения приёма.

Время потянулось бесконечно медленно, словно застывшая смола. Артём считал секунды, механически отстукивая ритм пальцами по подлокотнику, стараясь не думать о плохом. Стараясь не думать о том, что старые системы обломка могли давно выйти из строя, что сигнал рассеется в электромагнитных помехах пояса, что «Атлант» уже покинул систему и им никто, никто не придёт на помощь.

— Есть! — внезапно выкрикнула она в эфир, и её голос сорвался от радостного возбуждения. — Есть подтверждение приёма! «Атлант» в системе! Они идут к нам на всех парах, ориентировочное время прибытия — четыре стандартных часа!

Он шумно, с облегчением выдохнул, чувствуя, как отпускает стальная пружина, сжимавшая грудную клетку последние несколько часов. Четыре часа. Это было больше, чем им хотелось бы, но это был реальный, осязаемый шанс на спасение. Реальная надежда, за которую можно и нужно было цепляться.

— Немедленно возвращайся, Настя, — приказал он. — Слышишь? Бросай всё и возвращайся. Быстро!

— Уже иду, — ответила она, и в её голосе прозвучало что-то очень похожее на облегчение. — Артём, я...

Договорить она не успела. В тот же миг взвыли сирены тревоги, раскрашивая стены каюты багровыми сполохами аварийных ламп. Индикаторы на панели вспыхнули красным, сигнализируя о критической опасности. На тактическом сканере, прямо по текущему курсу бота, появилась крупная, стремительно приближающаяся отметка — объект значительной массы, движущийся с огромной, явно не природной скоростью. Артём похолодел, ощутив, как кровь отливает от лица. Астероид. Огромный, многотонный, несущийся прямо на их крохотный, беззащитный бот.

— Настя, опасность! — закричал он в микрофон, срывая голос. — Астероид на встречном курсе! Немедленно отходи в сторону! Используй маршевые двигатели скафандра! Полный форсаж!

— Пытаюсь! — её голос сорвался на отчаянный крик. — Он слишком большой! Меня затягивает гравитационной тенью! Я не могу вырваться!

Он видел собственными глазами, как фал резко, рывком натянулся, превратившись в звенящую струну. Скафандр Анастасии, беспомощно дёргаясь в пустоте, неумолимо тащило к надвигающейся гигантской каменной глыбе. Артём бросился к пульта управления ботом, лихорадочно перебирая в уме варианты. Если включить маршевые двигатели на полную мощность, он, возможно, сможет оттащить её, увести от прямого столкновения. Но он катастрофически не успеет рассчитать безопасную траекторию манёвра. Любое резкое, непродуманное движение — и они вдвоём превратятся в кровавое месиво, размазанное по переборкам.

Глава 2. Чужая частота

Сознание возвращалось к Артёму медленно, неохотно, толчками, словно он всплывал с многокилометровой глубины на поверхность, преодолевая чудовищное давление толщи воды. Первым ощущением, пробившимся сквозь плотную пелену забытья, была боль — тупая, пульсирующая, растекающаяся от затылка по всей черепной коробке, как круги от брошенного в стоячую воду камня. Затем пришли звуки: монотонное, убаюкивающее гудение насосов системы жизнеобеспечения, ритмичное попискивание аварийного медицинского монитора, фиксировавшего его жизненные показатели, и где-то совсем рядом — частое, прерывистое дыхание Анастасии, сбивающееся на всхлипы, которые она отчаянно пыталась подавить.

Он попробовал разлепить веки, и это простое действие далось ему с огромным трудом, словно они были склеены суперклеем или прихвачены тонкой корочкой запёкшейся крови. Перед глазами всё расплывалось, предметы двоились и троились, окрашиваясь в неестественные, болезненные оттенки багрового и фиолетового. Сквозь эту мутную пелену он сумел разглядеть нависающий над ним потолок спасательной каюты с потеками конденсата на стыках теплоизоляционных панелей и тусклую аварийную лампу, которая ритмично мигала, отбрасывая на переборки пляшущие тени. Пахло всё так же — озоном, горелым пластиком и чем-то ещё, новым, неприятным: металлическим запахом свежей крови, которая, судя по липкому ощущению на виске, была его собственной.

— Артём! — голос Анастасии, хриплый и надтреснутый, ворвался в его сознание, вырывая из цепких объятий полуобморочного состояния. — Артём, ты меня слышишь? очнись! Ну же, давай, возвращайся ко мне!

Он попытался ответить, но из пересохшего горла вырвался лишь невнятный, сиплый хрип, больше похожий на карканье простуженной вороны. Язык во рту казался чужим, распухшим и неповоротливым, как кусок войлока, а губы спеклись до такой степени, что любое движение вызывало болезненные трещины на пересохшей коже. Он предпринял ещё одну попытку, сфокусировав всё своё внимание и волю на простейшей задаче — произнести хотя бы одно слово.

— Жив... — прохрипел он наконец, и звук собственного голоса показался ему чужим, доносящимся откуда-то со стороны. — Кажется... жив.

— Слава богу, — выдохнула Анастасия, и в её голосе явственно прозвучали слёзы облегчения, которые она даже не пыталась скрыть. — Я уж думала, ты шею сломал, когда нас швырнуло о переборку. Ты ударился головой о стойку навигационного оборудования, тут крови было — я думала, всё, конец. Пришлось накладывать тебе повязку одной рукой, потому что вторая у меня до сих пор толком не работает.

Он осторожно, миллиметр за миллиметром, повернул голову влево, преодолевая острую вспышку боли в шейных позвонках, и увидел её. Анастасия сидела на том же самом месте, у переборки, но теперь её поза была ещё более измождённой, чем прежде. Левый рукав её лёгкого комбинезона был неумело, но крепко перетянут импровизированным жгутом из обрывка страховочного фала, а сама рука висела на скоррученной из обломков пластика шине, зафиксированная полосами аварийного бактерицидного пластыря. Лицо её, бледное до синевы, покры-

вали мелкие бисеринки холодного пота, а под глазами залегли глубокие, почти чёрные тени, делавшие её похожей на призрак. Но самым страшным были её глаза — тёмные, лихорадочно блестящие, с расширенными зрачками, в которых застыло выражение загнанного, раненого зверя, готового в любую секунду то ли броситься в атаку, то ли забиться в самый тёмный угол и там умереть.

— Сколько... — начал было Артём, но закашлялся, захлёбываясь сухим, лающим кашлем, раздирающим горло. — Сколько я пролежал без сознания?

— Почти три часа, — ответила она, отводя взгляд в сторону. — Я уже начала бояться, что ты в коме. Медицинский сканер показывал какую-то чушь, он тоже пострадал от удара. Пришлось ориентироваться по пульсу и дыханию, как нас учили на курсах первой помощи. Ты несколько раз пытался что-то говорить, бредил, звал какую-то Елену. Но потом затих, и я испугалась, что это конец.

Артём поморщился, ощущая, как краска стыда приливает к щекам. Елена была его невестой — вернее, бывшей невестой, — которая разорвала помолвку за неделю до его перевода в действующий флот. Видеть её во сне, да ещё и бормотать её имя в бреду, было унижительно, особенно перед Анастасией. Но сейчас, в их отчаянном положении, это не имело ровным счётом никакого значения.

— Три часа, — повторил он, пытаясь собрать разбегающиеся мысли в кучу. — А «Атлант»? Он уже должен быть здесь. Четыре часа прошли, даже с запасом. Почему они нас не подобрали? Где крейсер?

Анастасия ничего не ответила. Она лишь плотнее сжала губы, превратив их в тонкую, бескровную линию, и снова отвела взгляд, уставившись куда-то в угол каюты, где на стыке переборки медленно разрасталось пятно плесени, занесённой, вероятно, ещё с верфи. Это молчание сказало Артёму больше, чем любые слова. Гораздо больше, чем ему хотелось бы знать.

— Настя, — позвал он, и его голос прозвучал требовательно, даже жёстко. — Где «Атлант»? Отвечай. Я имею право знать правду, какой бы горькой она ни была.

— Его нет, — произнесла она наконец, и каждое слово давалось ей с видимым, почти физическим усилием. — «Атлант» не пришёл. И не придёт. Я перехватила их последнюю задачу примерно через час после того, как ты отключился. Они шли к нам полным ходом, уже были на подлёте к внешней границе пояса, и тут... Тут появились они. Те самые корабли, замаскированные под астероиды. Целая эскадра, Артём. Не меньше двенадцати вымпелов, а может, и больше — на таком расстоянии точное число определить было невозможно. Они окружили «Атлант» и открыли огонь без предупреждения, без запроса, без единого слова. Просто расстреляли его в упор из всего, что у них было. Это была бойня, Артём. Форменная бойня.

Он закрыл глаза, чувствуя, как внутри разверзается холодная, сосущая пустота. «Атлант» был не просто кораблём — это был тяжёлый крейсер первого ранга, флагман их оперативной группы, гордость федерального флота. На его борту находилось почти четыреста человек экипажа. Четыреста жизней, оборванных в одно мгновение безжалостными залпами неизвестного противника. И среди этих четырёхсот были люди, которых Артём знал лично: капитан второго ранга Громов, седой ветеран трёх кампаний, относившийся к молодёжи с отеческой заботой; старший навигатор Линда Мэйсон, с которой он не раз спорил до хрипоты о методах расчёта

гиперпространственных векторов; молоденький мичман Петров, ещё вчера мечтавший о первой боевой награде. Теперь все они превратились в облако раскалённой плазмы, рассеянное среди ледяных глыб Бриганы.

— Сволочи, — прошептал он, не разжимая зубов. — Какие же сволочи. Они даже не попытались вступить в переговоры. Просто ударили исподтишка, как шакалы.

— Это ещё не всё, Артём, — продолжала Анастасия тем же безжизненным, монотонным голосом, от которого у него мурашки побежали по спине. — Самое страшное не в том, что они уничтожили «Атлант». Самое страшное — в том, как они это сделали. Я записала фрагменты их переговоров перед атакой. У меня не было возможности расшифровать всё, но часть я разобрала. Они общались на наших частотах. На наших протоколах. С использованием наших позывных и кодовых обозначений. Они координировали атаку так, как это делают федеральные экипажи. С абсолютным знанием нашей тактики, наших уязвимостей, наших стандартных оборонительных построений. Они знали, куда бить, Артём. Знали слабые места «Атланта» так, словно сами его проектировали.

Он резко сел, преодолевая острую вспышку боли в затылке и головокружение, от которого каюта на мгновение перевернулась вверх дном, и впился взглядом в её лицо, ища признаки бреда, галлюцинаций или хотя бы преувеличения. Но Анастасия была абсолютно серьёзна. Её тёмные глаза смотрели на него в упор, не мигая, и в их глубине тлел холодный, почти потусторонний огонь — огонь человека, который заглянул за грань привычной реальности и увидел там нечто такое, что навсегда лишило его покоя.

— Ты хочешь сказать... — начал он и осёкся, не в силах произнести вслух то, что уже начинало складываться в его голове в стройную, пугающую картину.

— Да, Артём, — кивнула она. — Именно это я и хочу сказать. То, о чём я говорила тебе до нашего выхода наружу — это не просто догадка. Это факт, подтверждённый теперь уже дважды. Сначала — сигнатура флотских ретрансляторов на разведчике. Теперь — использование наших тактических протоколов при атаке на «Атлант». Два независимых свидетельства, указывающих на одно и то же. Рой — это не инопланетный враг. Не чуждая, неведомая форма жизни из глубин космоса, с которой невозможно договориться. Рой — это, возможно, наши собственные люди. Взбунтовавшаяся колония. Или засекреченный флот, о существовании которого не знает даже высшее командование. Или нечто ещё более страшное, о чём я боюсь даже думать.

В каюте повисла гнетущая, почти осязаемая тишина, нарушаемая лишь мерным гудением насосов и редким потрескиванием статического электричества в повреждённых цепях. Артём молча переваривал услышанное, пытаясь уложить в голове ту чудовищную, невероятную картину, которую рисовала Анастасия. Три года войны. Три года страха, лишений, потерь. Три года, в течение которых Федерация сражалась с загадочным, непостижимым врагом, чьи мотивы оставались полной загадкой для лучших аналитиков и стратегов. И теперь, здесь, в забытой богом системе Бригана, среди бесконечного роя ледяных астероидов, перед ними начинала приоткрываться истина — истина, которая, возможно, была страшнее любой инопланетной угрозы.

— Если ты права, — медленно, с расстановкой произнёс он, тщательно подбирая слова, — если Рой действительно состоит из людей, то это означает, что мы три года убивали друг

друга. Три года брат шёл на брата, а мы даже не подозревали об этом. Это... это чудовищно, Настя. Это переворачивает с ног на голову всё, что мы знали о войне.

— Я знаю, — тихо ответила она, опуская голову. — Я понимаю это не хуже тебя. Но факты — упрямая вещь. А факты говорят о том, что враг, с которым мы сражаемся, слишком хорошо знает нас. Слишком хорошо понимает нашу тактику, наши технологии, наши уязвимости. Он использует наше оборудование, наши частоты, наши протоколы. Скажи мне, Артём, ты, как аналитик, можешь предложить хоть одно разумное объяснение этим совпадениям, кроме того, которое предложила я?

Он надолго задумался, перебирая в уме все известные ему данные о Рое, все сводки, все аналитические записки, все свидетельства очевидцев, которые ему доводилось читать за годы службы. И чем дольше он думал, тем мрачнее становилось выражение его лица. Действительно, с самого начала войны было слишком много нестыковок. Враг никогда не вступал в переговоры, никогда не выдвигал требований, никогда не пытался захватывать пленных — он просто уничтожал всё на своём пути, действуя с холодной, безжалостной эффективностью. Но при этом его тактика, его стратегия, его технические решения были пугающе, противоестественно похожи на человеческие. Словно сияющим флотом сражалось его собственное отражение в кривом зеркале — такое же, но искажённое, извращённое, лишённое моральных ограничений.

— Ни одного, — признался он наконец, и это признание далось ему нелегко. — Ты права. Всё сходится. Но если Рой — это люди, то кто они? Откуда они взялись? Как им удалось построить целый флот, способный противостоять Федерации, причём оставаясь незамеченными до самого начала войны? Это ведь не пара кораблей, Настя. Это армада, способная наносить удары по центральным мирам. Чтобы построить такую армаду, нужны колоссальные ресурсы, десятилетия времени и целые промышленные комплексы, спрятанные где-то в глубоком космосе. Как можно было скрыть такую подготовку?

— Может быть, и не скрывали, — тихо, почти шёпотом ответила Анастасия, и её голос дрогнул. — Может быть, те, кто должен был следить за безопасностью Федерации, сами были частью этого плана. Может быть, Рой — это не внешний враг, а внутренний. Проект, вышедший из-под контроля. Или, наоборот, проект, который с самого начала задумывался как оружие для захвата власти. Ты ведь знаешь, Артём, что перед самой войной в верхах происходили странные вещи. Перестановки в генеральном штабе, загадочные исчезновения высших офицеров, закрытые слушания в парламенте, о которых никто не имел права говорить публично. Всё это списывали на предвоенную нервность, но что, если это были не просто совпадения?

Артём медленно, опираясь на переборку, поднялся на ноги, преодолевая головокружение и слабость во всём теле. Каждый мускул ныл, каждое движение отдавалось болью в повреждённых позвонках и ушибленных рёбрах, но он заставил себя встать и сделать несколько нетвёрдых шагов к тактическому дисплею, который продолжал транслировать помехи — густую, колышущуюся пелену электромагнитного шума, скрывающую всё окружающее пространство.

— Тогда возникает другой вопрос, — сказал он, вглядываясь в бессмысленную рябь на экране, словно надеясь увидеть там ответ. — Если Рой — это люди, если они используют наши технологии и наши протоколы, то почему они вообще начали эту войну? Какова их цель? За три года они ни разу не попытались выйти на связь, не выдвинули никаких условий, не потребовали капитуляции. Они просто убивают. Систематически, методично, безжалостно. Какой в этом смысл?

— Может быть, смысл в том, чтобы ослабить Федерацию настолько, чтобы её можно было взять голыми руками? — предположила Анастасия. — Или, может быть, их цель — не завоевание, а полное уничтожение? Геноцид?

— Геноцид собственного вида? — Артём горько усмехнулся. — Это как-то... не по-человечески. Хотя, с другой стороны, вся наша история — это сплошной список примеров того, как люди уничтожали друг друга с поразительной жестокостью. Может быть, Рой — это просто очередная глава в этой кровавой летописи. Но я не могу понять, зачем. Ради чего? Ради власти? Ресурсов? Идеологии? Какой-то извращённой мести?

— Этого мы пока не знаем, — ответила она. — Но мы можем попытаться выяснить. У нас есть обломок исследовательской станции, которая, судя по всему, нашла что-то важное перед самой гибелью. У нас есть этот странный артефакт, который мы видели перед тем, как ты потерял сознание. И у нас есть факты, указывающие на то, что враг — не инопланетный, а человеческий. Если мы сумеем добраться до правды и выжить, чтобы рассказать о ней командованию, мы, возможно, спасём миллионы жизней.

— Если командование ещё существует, — мрачно добавил Артём. — И если оно само не является частью этого заговора. Ты сама сказала: те, кто должен был следить за безопасностью, могли быть частью плана. Откуда нам знать, кому можно доверять, а кому — нет? Может быть, те, кому мы собираемся всё рассказать, сами стоят за спиной Роя и просто ждут удобного момента, чтобы нанести последний удар.

Анастасия ничего не ответила — лишь плотнее запахнула разорванный комбинезон на груди, словно пытаясь защититься от пронизывающего холода, который на самом деле существовал только в её воображении. Система терморегуляции бота работала исправно, поддерживая в каюте комфортные двадцать два градуса по Цельсию, но обоим казалось, что их пробивает ледяной озноб — озноб, вызванный не температурой, а тем страшным знанием, которое они только что осознали.

— Знаешь, — произнесла она после долгой, напряжённой паузы, — когда я училась в лётной академии, у нас был курс по ксенопсихологии. Нам рассказывали о том, как вступать в контакт с негуманоидными цивилизациями, как интерпретировать их поведение, как находить точки соприкосновения. И я всё время думала: а что, если мы встретим врага, с которым невозможно договориться? Абсолютно чуждого, непостижимого, лишённого каких-либо общих с нами ценностей? Мне казалось, что это — самый страшный сценарий из всех возможных. Но теперь я понимаю, что ошибалась. Самое страшное — это встретить врага, который является твоим отражением. Который мыслит как ты, чувствует как ты, но при этом хочет тебя уничтожить. Потому что против такого врага нет стратегии. Против такого врага нет защиты. Он всегда будет на шаг впереди, потому что он — это ты сам, только лишённый моральных ограничений.

Артём медленно подошёл к ней и, преодолевая слабость в подкашивающихся ногах, опустился рядом, привалившись спиной к холодной, вибрирующей переборке. Их плечи соприкоснулись, и это простое физическое прикосновение — единственное, что оставалось им в этом пустом, безжизненном пространстве, — принесло странное, почти забытое чувство успокоения. Они были вдвоём против целого мира. Вдвоём против врага, который, возможно, носил их собственные лица.

— Мы выберемся, — сказал он тихо, но твёрдо, словно давая клятву. — Мы выберемся из этого проклятого пояса, доберёмся до своих — если они ещё существуют, — и расскажем им правду. Всю правду, какой бы горькой и страшной она ни была. И если окажется, что командование действительно замешано в этом, мы найдём способ обнародовать данные, чтобы каждая колония, каждая станция, каждый корабль Федерации узнал о том, что Рой — это не инопланетный враг, а предательство изнутри.

— А если нам никто не поверит? — спросила она, поднимая на него полные сомнения глаза. — Если нас объявят паникёрами, дезинформаторами, агентами врага? Ведь это будет самое простое решение для тех, кто не хочет признавать правду. Запереть нас в карцере, объявить наши показания бредом сумасшедших и продолжать вести войну, которая кому-то очень выгодна.

— Тогда мы будем действовать сами, — ответил он с холодной решимостью, удивившей его самого. — Найдём тех, кто готов слушать. Найдём доказательства, которые невозможно будет опровергнуть. Мы — разведчики, Настя. Сбор и анализ информации — это наша работа. И мы выполним её до конца, даже если весь мир будет против нас.

Она слабо, едва заметно улыбнулась — впервые за всё время, прошедшее с момента крушения «Иглы». Эта улыбка была бледной, вымученной, лишённой прежней дерзости и задора, но она была. И это означало, что Анастасия Волкова всё ещё боролась. Всё ещё верила. Всё ещё была готова идти до конца.

— Хорошо, — произнесла она, и в её голосе прорезались знакомые Артёму командирские нотки. — Тогда давай думать, что нам делать дальше. У нас есть повреждённый бот, почти выработанный ресурс жизнеобеспечения, сломанная рука у меня и сотрясение мозга у тебя. У нас есть враг, который только что уничтожил тяжёлый крейсер и, скорее всего, сейчас прочёсывает пояс в поисках уцелевших. И у нас есть тайна, которая, возможно, является ключом к окончанию этой войны. Негусто, но бывало и хуже.

— Бывало, — согласился он, поднимаясь на ноги и направляясь к пульту управления. — Давай начнём с того, что попробуем восстановить работоспособность пассивных сканеров. Если мы не видим противника, это не значит, что его нет. Это значит, что мы слепы. А слепым в этом поясе долго не протянуть.

Они приступили к работе, и пусть их положение было почти безнадёжным, пусть шансы на спасение таяли с каждым часом, как лёд под лучами жаркого солнца, у них появилось то, чего не было раньше: цель. Цель, ради которой стоило бороться. Цель, ради которой стоило выжить. Истина о Рое была спрятана где-то здесь, в системе Бригана, среди льда и камня, среди обломков погибших кораблей и руин уничтоженной станции. И они намеревались найти её. Чего бы это ни стоило.

За бронестеклом иллюминатора продолжали свой вечный, величественный танец ледяные глыбы, подсвеченные мертвенным сиянием далёких звёзд. Где-то среди них, невидимые и неслышимые, скользили корабли врага — врага, который, возможно, носил человеческие лица и говорил на человеческом языке. Врага, который был ближе, чем кто-либо мог себе представить. Врага, который ждал своего часа.

Но пока в каюте спасательного бота горел тусклый аварийный свет, пока работали насосы системы жизнеобеспечения, пока двое разведчиков — аналитик и специалист по внекорабельной деятельности — отказывались сдаваться и верили в свою миссию, надежда ещё жила. Маленькая, хрупкая, но живая. Как пламя свечи на ветру. Как последний патрон в обойме. Как кодированный сигнал, летящий сквозь бесконечную черноту космоса к тем, кто ещё мог его услышать.

Где-то в глубине пояса, в своём золотисто-голубом свечении, безмолвно пульсировал древний артефакт, хранящий тайну, способную перевернуть ход войны. Он ждал. Ждал тех, кто сможет его понять. Ждал тех, кто осмелится задать правильные вопросы. И время его ожидания подходило к концу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.